

ФУНКЦИИ КОНЦЕПТА ДЕНЬГИ В РОМАНЕ Б. ЖИТКОВА «ВИКТОР ВАВИЧ»

Концепт деньги — один из базовых концептов культуры, стал предметом русской филологии сравнительно недавно и изучался преимущественно с позиций когнитивной лингвистики. Автор статьи в исследовании этого концепта опирается на теоретические положения, выдвинутые Д. С. Лихачевым в работе «Концептосфера русского языка» (1992). Особенности функционирования концепта деньги в художественном мире литературного произведения рассматриваются на материале романа Бориса Житкова «Виктор Вавич». На основе проведенного количественного и структурно-семантического анализа автор статьи приходит к выводу, что важнейшими функциями концепта деньги в романе Б. Житкова являются характерологическая, символическая и аксиологическая. Радикальные изменения в отношении к способам получения денег в финале романа демонстрируют аксиологический сдвиг, произошедший в массовом сознании в результате катастрофических событий 1905 г.

Ключевые слова: концепт, деньги, функции, семантика, Житков, Вавич.

V. S. Vasilkova

THE FUNCTIONS OF THE CONCEPT MONEY IN B. ZHITKOV'S NOVEL “VICTOR VAVICH”

The concept money is one of the basic concepts of culture, yet it has become a subject of Russian philology quite recently and has been primarily studied from the viewpoint of cognitive linguistics. The author of the present article, regarding the functions and the semantics of the concept money in the artistic world of Zhitkov's novel «Victor Vavich», proceeds from the theoretical positions set by D. Likhachev in his work «Concept Sphere of the Russian Language» («Концептосфера русского языка») (1992) and regards the given problem from the viewpoint of the concept functioning in the concept sphere of an individual artistic work. On the basis of the quantitative and structural-semantic analysis of the functions of the concept money the author concludes that its basic functions in Zhitkov's novel are the characterological, symbolical, and axiological ones. In the third final book of the novel by means of depicting the radical change in the ways of obtaining money, the axiological shift is demonstrated, which happened in mass consciousness as a result of the catastrophic events of 1905.

Key words: concept, money, functions, semantics, Zhitkov, Vavich.

Термин «концепт», как известно, имеет множественное толкование. Д. С. Лихачев, создавая свою теорию концептосферы русского языка, опирался на философское определение концепта в работе А. С. Аскольдова «Концепт и слово» (1928): «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [10, с. 318]. С точки зрения когнитивной лингвистики, концепт трактуется как «ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом языкового выражения — совокупность лексических, паремических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих данный объект» [14, с. 5]. Для лингвокультурологов концепт — «ментальная проекция элементов культуры», которая овеществляется не только в языке, но и «в иных сферах (например, художественные концепты — в образах музыки, живописи, скульптуры, театра и кинематографии)» [9, с. 13]. А. С. Аскольдов указывал на принципиальное отличие «познавательных» и «художественных» концептов: «познавательные» близки понятию, в основе

их лежит дифференциация явлений, а «художественные», напротив, «вызывают множество ассоциаций» [10], ориентированы на поиск общего в различном. Для целей нашего исследования актуальным является именно такое понимание *художественного* концепта.

Концепт *деньги*, несмотря на то, что он «является одним из базовых концептов культуры» [4], стал предметом исследования в русской филологии сравнительно недавно.

В разных национальных культурах и в разные эпохи содержание концепта *деньги* имеет существенные отличия, связанные как с особенностями менталитета, так и с ограниченными во времени социально-историческими факторами. Например, многие исследователи отмечают двойственность отношения к деньгам, присущую русскому национальному сознанию: «В национальном сознании русского человека совместились, с одной стороны, мечта о халяве: неразменный рубль как идея фикс, с другой — глубоко заложена мысль о том, что деньги не выше человека, неслучайно в народном обиходе есть выражение: «Не дороже денег». Эта традиция реализуется в известном тезисе Ивана Карамазова: «Русскому человеку не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить» [11, с. 149]. В произведениях русской классики, как правило, утверждался приоритет духовного над материальным, соответственно, денежные интересы, трактуемые как низменные, становились предметом если не сатирического, то иронического изображения, и советская литература во многом унаследовала эту традицию. В постсоветское время происходит «переоценка ценностей», отмечаемая специалистами в области социальной психологии: «... в голове россиянина кристаллизовалась не поддающаяся логике идея, которую остроумно сформулировала Татьяна Толстая: «Деньги в сознании русского человека — зло, но зло — вожделенное» [18, с. 254]. При оценке функций денег в современном научном дискурсе противопоставление материального духовному фактически снимается: «анализ функций денег показывает, что они являются сгустком огромной социальной и психологической энергии, *одухотворяющей* деятельность людей и цивилизирующей быт» [12, с. 116].

Вероятно, именно с изменением положения денег на аксиологической шкале общественного и индивидуального сознания связан возросший в последнее десятилетие интерес к «денежной» теме в русской литературе и культуре и ее роли в художественном тексте (см., например: [4], [5], [6], [7], [11], [16], [17]). Несмотря на разность подходов в освещении данной проблемы, исследователи сходятся в одном: деньги в художественном произведении, как и любая другая часть «внехудожественной реальности», становятся элементом литературного целого, компонентом содержательной формы.

Не претендуя на всестороннее освещение данной проблемы, мы ограничимся лишь наблюдениями над конкретным художественным текстом — романом Б. Житкова «Виктор Вавич», который был написан в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века, но предметом научного изучения стал сравнительно недавно (См. об этом подробнее в [3, с. 131–140]). Несмотря на то, что деньги и материальный интерес не являются в «Викторе Вавиче» «двигателем» сюжета (как, например, в романе Достоевского «Идиот» или в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова), тем не менее, они — семантически значимый элемент художественного мира, связанный с авторской идеологией и аксиологией, что позволяет рассматривать *деньги* именно как концепт.

Концепт *деньги* в художественном мире романа «Виктор Вавич» актуализирован, прежде всего, за счет частотности и разнообразия номинаций денег и денежных знаков.

Номинации денег, денежных знаков и пр.	1 книга (270 стр.)	2 книга (250 стр.)	3 книга (78 стр.)
деньги	27	3	1
капитал	1	—	—
жалованье	2	1	—
получка	3		

сдача	4	2	—
мелочь	3	—	—
медяки	2	—	—
сребреники	1	—	—
фунты (англ.)	3	—	—
бумажки (купюры)	1	—	1
рубль	43	19	4
гривенник	16	5	—
полтинник	8	4	5
копейка	8	4	—
пятак (пятак)	1	6	1
пятиалтынный	1	0	0
трешка	3	—	0
четвертная (25 руб.)	1	—	—
катеринка (100 руб.)	2	0	2
тысяча (рублей)	1	0	12
Всего:	125	44	26

Данная таблица не только демонстрирует высокую частотность и разнообразие денежных номинаций в романе Б. Житкова, но и позволяет проследить определенную статистико-семантическую тенденцию: повышенную частотность и разнообразие обозначений денег в первой книге, действие в которой охватывает 1903—1904 г., резкое уменьшение частотности их упоминаний (более чем в 2,5 раза) во второй книге, повествующей непосредственно о событиях 1905 г., и «качественный» сдвиг в третьей книге — преобладание крупных денежных сумм (сотен и тысяч рублей), что соответствует увеличению авантюрной составляющей в сюжете последней части «Виктора Вавича».

Концепт *деньги* выполняет в тексте романа Б. Житкова несколько функций. Прежде всего, наряду с другими бытовыми деталями, он **воссоздает «колорит» времени**, способствует достоверному, реалистическому изображению российской действительности начала XX века. Из романа можно узнать о том, каково месячное жалование военных и гражданских чинов, сколько получает квалифицированный рабочий на фабрике, сколько стоит гостиничный номер и билет на концерт, почему фунт семги и бутылка водки, сколько платят «за услуги» агенту охраны, сколько дают «на чай» швейцару и т. п. (Причем Житков здесь, как правило, соблюдает «масштаб цен», имевший место в России начала прошлого века) [См.: 13]. Однако эта функция концепта *деньги* не является единственной в романе.

Н. Э. Агаркова отмечает, что концепт *деньги* «включает в себя все те многочисленные действия, которые производятся с деньгами: заработал, потратил, купил, продал, украл, отложил, съэкономил, закопал, порвал, напечатал, нарисовал и т. п.» [1, с. 304]. Важную роль в «Викторе Вавиче» играют не деньги сами по себе, а то, какими способами деньги добывают, как их тратят и как к ним относятся.

С этой точки зрения, персонажей «Виктора Вавича» можно условно разделить на две группы — тех, кто деньги *зарабатывает* честным путем, *хранит* и *дает в долг* и тех, кто преимущественно *тратит* не заработанные, а добытые иным, часто несправедливым путем (выигрыш в карты, залог вещей в ломбард, ограбление, одалживание) деньги.

К первой группе относятся: Андрей Степанович Тиктин, директор Земельного Банка, который не только *зарабатывает* и *дает в долг*, но — по долгу службы — и *хранит* чужие деньги; токарь Филипп Васильев — получает зарплату и прячет ее в коробку с табаком; тюремный смотритель Петр Сорокин — копит «тугую казенную копейку» на приданое дочери; полицейский Виктор Вавич — получает жалованье; Таинька Вавич — получает деньги от соседей в уплату за молоко. Очевидно, что в эту группу входят представители разных со-

циальных групп, однако размер трудовых доходов, как правило, не акцентируется. Деньги не наделяются в романе Б. Житкова отрицательными коннотациями, не становятся символом социального неравенства.

Ко второй группе относятся студент Санька Тиктин (просит деньги у отца, относит в ломбард часы, продает книги букинисту, участвует в ограблении поезда), «офицюрус» Ленька (выигрывает в карты), певица Мирская (сдает в ломбард свои драгоценности), учитель Семен Башкин (получает «сребреники» в охранном отделении); Варвара Андреевна (тратит деньги мужа-полицмейстера), студент Рыбаков (просит в долг у Саньки Тиктина), Груня Сорокина (распоряжается деньгами отца и мужа). Примечательно, что к этой группе принадлежат и революционеры Алешка Подгорный и Кнэк, имеющие сомнительные источники доходов.

Некоторые персонажи совмещают функции «получателей» денег и «дарителей», что тоже весьма важно для выявления динамики характера. При этом деньги и денежные отношения между людьми, как правило, имеют этические коннотации и выполняют **характерологическую функцию**. Важной частью характеристики персонажей в романе «Виктор Вавич» является их отношение к трате денег.

Показательно в этом смысле описание поездки Груни Сорокиной на свидание к Виктору Вавичу:

«По дороге разбудила извозчика и, не рядясь, поехала к саду. Извозчик еле тряс по городским бульжникам, помахивал веревочным кнутом, задумчиво приговаривал:

— Рублик стоит. Вот те Христос, рублик стоит.

— Гони, гони! — толкала Груня извозчика. У сада Груня соскочила, сунула два двугривенных в шершавую руку, не глядя» [8, с. 38].

На первый взгляд, может показаться, что цель данного эпизода — продемонстрировать скупость и расчетливость Груни, которая проявляется даже в такой «романтический» момент. Однако перед этим девушка щедро расплатилась с «солдатиком», который принес записку от Виктора. Кроме того, надо учесть, что действие происходит в уездном городе, где расстояния небольшие и стоимость проезда в среднем 20–25 копеек [15], следовательно, извозчик «заломил цену», видя, что девушка спешит. Груня заплатила 40 копеек — меньше, чем просил извозчик, но выше обычного тарифа. Следовательно, в характере этой героини уживаются и щедрость, и трезвый расчет.

Обращает на себя внимание то, что ряд «денежных» микромотивов в романе «Виктор Вавич» имеет тенденцию к мультипликации, многократному варьированию. Герои, оказываясь в похожей ситуации, ведут себя по-разному; такое контрастное сопоставление — один из излюбленных авторских приемов Б. Житкова. С приведенным выше эпизодом, например, соотносится поездка на извозчике студентов Саньки Тиктина и Алешки Подгорного, когда поздно вечером в поисках подходящего питейного заведения они берут дорогого извозчика — лихача:

«— Куда-нибудь, куда хочешь, только бы выпить, выпить скорей, — просил Санька и ежился на морозном ветру, прятался за толстый зад кучера, он шаром вздувался перед носом седоков.

Они свернули в людную улицу, и Алешка дернул кучера за пояс:

— Стой!

Санька сунул **трешку**» [8, с. 108].

Данный эпизод сопоставляется с предыдущим посредством повторения незначительных, на первый взгляд, деталей — и Груня, и Санька не «рядятся» и, расплачиваясь, оба «суют» извозчику деньги. Однако это внешнее сходство лишь подчеркивает внутреннее отличие: Груня игнорирует запрошенную извозчиком высокую цену, а Санька платит по высшему тарифу. Такая расточительность, казалось бы, мотивирована психологически: Саньке не терпится, хочется «залить» нанесенную ему обиду. В другой раз он поступает подобным образом уже от избытка положительных эмоций — после первого свидания с Тагьяной Ржевской: «Санька сел с Танечкой, не рядясь, в первые сани, что поджидали у «тихого кабака». Потом, даже не заметив, что взял дорогого извозчика-лихача, он один поехал кататься за город: «Санька не

знал, что делать со счастьем, боялся расплескать, мутило голову» [8, с. 239]. Заканчивается этот романтический порыв весьма прозаически — сценой расплаты с извозчиком:

«Сколько тебе? — спросил Санька.

— Четвертную следует, — сказал извозчик... » [8, с. 240].

Если исходить из исторических реалий, то за одну романтическую поездку Тиктин израсходовал сумму, на которую можно было 50 раз проехать на обычном извозчике и 500 — на конке¹. Если вчитаться в текст романа, то откроется не менее впечатляющая картина: чтобы заработать «четвертную» (25 рублей), токарь Васильев должен был отстоять у станка без малого два месяца, а городскому за эти деньги пришлось бы почти полтора месяца мерзнуть (или мокнуть) на посту. Но эти выводы Б. Житков предоставляет сделать самим читателям, поскольку никак не комментирует расточительность Саньки, который, к тому же, весьма симпатичный персонаж. Именно в отношении к деньгам проявляются такие черты его характера, как бескорыстие и готовность пожертвовать ради дружбы самым дорогим: чтобы помочь вернуться в город Алешке Подгорному, который скрывается от полиции в деревне, Санька не только сдает в букинистический магазин любимые книги, но и относит в ломбард часы и серебряный оклад с иконы — семейной реликвии. Вместе с тем отношение к деньгам проявляет чрезмерную импульсивность Саньки, неумение трезво оценивать ситуацию. Симптоматично, что его кипучая деятельность по сбору денег для Подгорного оказывается напрасной: Алешка возвращается в губернский город прежде, чем до него дошел почтовый перевод.

Б. Житков использует концепт *деньги* при создании «психологических портретов» многих персонажей, в первую очередь — представителей молодого поколения, с которыми связано развитие основных сюжетных линий (их в романе несколько). Важно отметить при этом, что ни один из молодых людей не ставит своей целью обогащение; однако для некоторых из них деньги являются средством достижения определенной цели: Виктору Вавичу они нужны, чтобы жениться на Груне Сорокиной, Саньке Тиктину — чтобы помочь Алешке Подгорному вернуться из деревни в город Н., Таиньке Вавич — чтобы купить билет в театр и услышать игру Ильи Израильсона на флейте. Таким образом, деньги нередко выполняют **функцию посредничества при преодолении** персонажами **«границы»** — определенного жизненного рубежа.

Так, например, Виктор Вавич отправляется в губернский город, чтобы устроиться на службу в полицию, при финансовой поддержке будущего тестя: «Деньги на устройство дал Виктору Сорокин из своих сбережений, — давно уж для Груни копил смотритель свою тугую казенную копейку» [8, с. 130]. На первых порах он очень бережливо использует этот «капитал», экономит даже на свечах и думает, как вернет долг, в случае, если в полиции ему откажут. Благодаря приданому Груни Виктор устраивается в губернском городе, снимает квартиру, становится материально самостоятельным и начинает благополучную семейную жизнь.

Концепт *деньги* в романе «Виктор Вавич» нередко связан с ситуацией нравственного выбора. Перед таким выбором оказывается студент Санька Тиктин, когда певица Мирская предлагает ему сто рублей в тот момент, когда он нуждается в деньгах для важной и благородной, как ему кажется, цели — помощи революционеру Алешке Подгорному:

«Возьми, — едва шепнула Мирская, и черные глаза тяжело и преданно глядели, неподвижно, и заволоклись.

Остановилась рука: «Не брать, не брать!» — твердил в душе Санька, а рука протянулась и взяла» [8, с. 244–245].

В данном случае герой переступает определенную нравственную границу, осознавая, что поступает неправильно. Поэтому на следующий же день он отсылает Мирской оставшиеся у него деньги, считая возвращение долга женщине делом чести. Вместе с тем, как бы мимоходом, выясняется, что Тиктин задолжал портному за сшитый сюртук, но это его чести никак не задевает.

¹ По данным Д. Пядышева, одна поездка на самом дорогом привокзальном извозчике обходилась в начале века в 50 коп., а проезд на конке стоил 5–7 коп. [15].

Двойной стандарт в вопросах чести — не только следствие нравственного релятивизма, характерного для социальной среды, к которой принадлежит Санька, но и результат конформизма. Об этом свидетельствует один из центральных эпизодов романа — встреча в трамвае Саньки Тиктина и Виктора Вавича, оказавшаяся для обоих судьбоносной. В высшей степени значимо, что важную роль в завязке конфликта сыграли деньги: у Саньки не оказалось мелочи, кондуктор не мог дать сдачи с рубля, и Виктор хотел выручить студента, заплатив за билет:

«Разрешите выручить из неудобства. — <...> Квартальный улыбался и сочувственно и почтительно. Он с удовольствием держал в белой перчатке новенькое, тугое кожаное портмоне.

— Не надо, благодарю вас, — хмуро сказал Санька, но голоса его не слышно было за треском конки. — Без сдачи! — крикнул Санька и сунул рубль в руку кондуктора» [8, с. 212].

Несмотря на то, что Виктор все же помог — разменял кондуктору Санькин рубль, его попытка установить дружеский контакт потерпела крах: Тиктин не пожал протянутую для знакомства руку, опасаясь, что кто-либо из знакомых увидит, что он общается с полицейским. Очевидно, что молодые люди по разному относятся к деньгам: Виктору доставляет удовольствие «новенькое, тугое портмоне», в котором, возможно, его первые самостоятельно заработанные деньги, Санька же готов потратить почти впустую отцовский рубль (деньги по тем временам немалые), сдачу он ссыпает в карман. Разное отношение молодых людей к *деньгам* проявляет более глубокие противоречия: для Вавича возможность тратить деньги является свидетельством обретения им определенного статуса, гарантирующего, как ему кажется, общественное признание, для Саньки же деньги не имеют реального наполнения, за ними не стоит его собственный труд; *честь* для него дороже денег.

Однако и отношение Виктора Вавича к деньгам не остается неизменным: он мечтал жить честно, на жалованье квартального надзирателя, но не смог противостоять системе взятки, сложившейся в полиции. Эпизод получения первой взятки, от которой Виктор не смог отказаться по слабости характера, стал рубежом, за которым началось его нравственное падение. (Примечательно, что со временем бережливость Вавича сменяется расточительностью).

В сознании других молодых героев романа тоже, как правило, существует коррелятивная связь между деньгами и нематериальными ценностями — честью, гордостью, достоинством. Например, для токаря Филиппа Васильева его заработная плата является предметом гордости: «три с половиной зря не дадут» (здесь имеется в виду недельный заработок, который свидетельствует о высокой квалификации рабочего). К деньгам он относится бережно: хранит зарплату в коробке от табака, а ту часть, которые собирается потратить, завязывает в носовой платок. Вместе с тем косвенной оценки качества его труда Филиппу недостаточно, он хочет, чтобы его публично похвалил мастер Игнатыч: «Васильев знал, что мастер его хвалит, и хотелось, непременно хотелось, чтоб самому услышать, чтоб мастер в глаза признал его, Васильева, лучшим токарем в заводе» [8, с. 58]. Однако Игнатыч видит в этом желании молодого рабочего лишь корыстный интерес: «Ты что ж это, на прибавку, что ли, набиваешься?» [8, с. 63]. Такое отношение мастера Филипп принимает как личное оскорбление.

Вместе с тем Б. Житков, верный исторической реальности, показывает, что Васильев — скорее исключение из правила: большинство рабочих, в отличие от Филиппа, моральному удовлетворению предпочитают все же материальный фактор. Их отношение к заработанным деньгам находит емкую характеристику в описании трактира «Слон»: «Была суббота, и не только в пьяном низу, но и во втором этаже было полно народа. Слободка пропивала получку» [8, с. 108]. Тем не менее, на заводе, где работает Васильев, назревает забастовка: котельщики требуют прибавки к заработной плате — «четверть копейки на заклепку», ссылаясь на низкую оплату своего труда по сравнению с другими рабочими: «Заелись все и до нас <...> никому дела нет, а мы дохнем, а токаря в глаже ходят и бабам шляпки купляют» [8, с. 186]. На взгляд котельщиков, справедливость состоит в том, чтобы их тяжелый, но неквалифицированный труд оплачивался так же, как квалифицированный труд токарей. Причем в подоплеке

этого уравнилельного акта — зависть: котельщикам тоже хочется «ходить в глаже» и «бабам шляпки покупать». Б. Житков дезавуирует миф о рабочем классе как монолитной, сплоченной общими интересами социальной группе, наиболее сознательной и не подверженной мещанским предрассудкам². Но дело не только в этом: забастовка, поводом к которой послужили «четверть копейки», перерастает в демонстрацию и завершается кровопролитием, причем первой жертвой становится подросток Федька. В борьбе за «справедливость» на одной чаше весов оказываются деньги, а на другой — жизнь человека, ребенка.

Связь денег с мотивом кровавой жертвы актуализируется в сюжете, связанном с учителем Семеном Башкиным. На первый план здесь выступает **символическая функция денег**, связанная с платой за предательство — «сребрениками Иуды». Эту плату Башкин получает в охранном отделении от ротмистра Рейендорфа, который вынуждает его стать осведомителем: «Ротмистр быстро отодвинул ящик, достал конверт. Красным карандашом широко было написано «тридцать рублей» [8, с. 207]. И сумма, и то, что надпись на конверте сделана «красным карандашом», служит указанием на цену предательства, цену крови. Символический характер этой суммы отмечает и сам Башкин: «...тридцать, тридцать нарочно, сволочи, как Иуде сребреники» [8, с. 209]. История учителя, ставшего предателем (хотя и не по своей воле), по многим параметрам укладывается в евангельскую матрицу (См. об это подробнее в [2]). В романе имплицитно присутствует и мотив возвращения денег, полученных за предательство: Башкин, собираясь отнести в полицию взрывное устройство, замаскированное под Библию, завернул его в оберточную бумагу, а затем «схватил <...> цветной карандаш и надписал **красными буквами** — С. Башкин и расчеркнулся» [8, с. 568]. Надпись красным карандашом отсылает к такой же надписи на конверте с деньгами, полученными Башкиным в полиции. Таким образом, пакет с «адской машинкой» становится символическим эквивалентом возвращаемых «иудиних сребреников»: Башкин погибает, бросив эту «бомбу» в полицейских.

Все названные функции концепта *деньги* реализуются в завершающей (третьей) книге романа «Виктор Вавич», где денежная тема достигает своей кульминации, вплетаясь непосредственно в сюжет: одним из центральных событий становится ограбление курьерского поезда, в котором участвуют Алешка Подгорный и Санька Тиктин. Ему предшествует совершенное революционерами ограбление Азовско-Донского банка, которое становится не только главной новостью дня, но и предметом общего восхищения:

«Экстренное приложенье! — звонкой нотой пел мальчишка.

Санька совал пятак и уж видел крупные буквы:

«ДЕРЗКОЕ ОГРАБЛЕНИЕ АЗОВСКО-ДОНСКОГО БАНКА».

И потом жирно цифра — 175 тысяч.

<...> Санька шел, и дыхание сбивалось, и слышал сзади, сбоку: «и никого, вообразите, не поймали...» «Прожгли автогеном. Прямо американцы!» — и не мог понять: радость бьется в голосах? <...> Санька запрятал листок в карман. Дома он заперся у себя в комнате и пять раз, задыхаясь, прочел «Экстренное приложение» [8, с. 558–559].

Противоправное деяние, ограбление, благодаря общественному одобрению, приобретает в пылком юношеском сознании положительные коннотации, воспринимается как героический поступок. Поэтому закономерно, что Санька, для которого прежде взять чужие деньги — пусть даже для благого дела — казалось безнравственным, теперь, не задумываясь, соглашается на участие в ограблении почтового вагона, в котором везут сейф Государственного банка с крупной суммой (380 тысяч). То, что сын директора банка Тиктина оказывается среди банковских грабителей, глубоко символично и свидетельствует о том, что послереволюционный мир «встал с ног на голову». Участие в «эксе» едва не заканчивается для Саньки гибелью: квартальный надзиратель Виктор Вавич задерживает его на улице с пистолетом,

² О скептическом отношении Б. Житкова к идеализации пролетариата свидетельствуют его письма к жене, Е. П. Бахаревой и приемному сыну Володе. Например, в письме от 14 декабря 1929 г. он делился своими размышлениями о рабочих: «Они вроде служащих, только с ещё большей тягой к мещанству...» (РГАЛИ, ф. 2185, оп.1, ед. хр. 4, л. 89 об.).

из которого Подгорный убил городского. Когда Алешка и Кнэк пытаются подкупить надзирателя, чтобы устроить побег Тиктина из тюрьмы, выясняется любопытная подробность: в ограблении участвовали не только «политические»; к тому же каждый из участников этой акции (за исключением Саньки) получил энную сумму из «экспроприированных денег» — на собственные нужды: «Левка говорит — тысяча, пай мой, я не идейник, я говорил, что иду на дело, а заработаю — еду учиться, в Цюрих...» [8, с. 591]. Превращение уголовного деяния в способ *заработать*, как и использование награбленного для «благих» революционных целей свидетельствует о размывании границ между добром и злом. Деньги, ставшие добычей полу-криминальных элементов, перестают быть мерой труда, то есть утрачивают свою основную общественную функцию. Это уравнивает их со «сребрениками», которыми охранное отделение рассчитывается со своими агентами за предательство.

В целом революция 1905 г. предстает в романе Б. Житкова как явление негативного порядка, поскольку она приносит несчастье всем основным персонажам, за исключением, разве что, Алешки Подгорного. Погибают Виктор Вавич и Семен Башкин; вдовой остается Груня; теряет рассудок Таинька Вавич; Саньку Тиктина отправляют в ссылку, Таня уезжает вслед за ним. Но самое примечательное, что становится инвалидом и деградирует рабочий Филипп Васильев — не имея возможности зарабатывать, он заставляет влюбленную в него Наденьку Тиктину просить в долг у соседней полтинник на водку. Судьбы молодых героев романа — часть общенародной трагедии, в основе которой смешение истинных и ложных ценностей.

Подводя итоги, следует отметить, что концепт *деньги* в романе Б. Житкова полифункционален: он выполняет характерологическую, аксиологическую и символическую функции. С точки зрения семантики он имеет традиционное для русского менталитета наполнение, отражая двойственное отношение к материальным благам. Об этом свидетельствует его связь с оппозицией *нравственное — безнравственное*, противопоставление в тексте романа *денег, заработанных трудом*, и *денег, добытых сомнительными способами*. Вместе с тем, прослеживая изменения в отношении центральных персонажей к способам получения денег, Б. Житков демонстрирует «ментальный» сдвиг, который, спустя десятилетие после трагических революционных событий 1905–1907 гг. в России, стал одной из причин национальной катастрофы.

Литература

1. Агаркова Н. Э. Деньги // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 304–312.
2. Василькова Г. С. Тема предательства в романе Б. Житкова «Виктор Вавич» // Philologica II. Komparatīvistikas institūta almanahs. DU Akadēmiskais apgāds «Saule», 2011. С. 202–215.
3. Василькова Г. С. Странная судьба «Виктора Вавича», или Роман без места // Звезда. СПб., 2012. № 9. С. 131–140.
4. Голубева Е. В. Изучение концепта «деньги» методом семантического дифференциала // Языковая личность. Речевые жанры. Текст. Сборник научных трудов. М., 2008.
5. Дементьев В. Мани для Тани // Наш современник. 2002. № 12.
6. Дубнова М. Чудо, деньги, любовь: основные ценности девяностых в популярных пьесах десятилетия // Вопросы литературы. 2002. Вып. 6.
7. Жданова В. Деньги и алчность в классической литературе // Литературная учеба. 2008. № 2. С. 191–202.
8. Житков Б. Виктор Вавич. Роман. М.: Независимая газета, 1999.
9. Карасик В. И., Стернин И. А. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис. С. 12–13.
10. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006.
11. Лихина Н. Е. Мотив денег в современной русской литературе. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2010. № 8. С. 149–155.
12. Майоренко И. А. Концепт «деньги» в языковой картине мира (на материале русской и английской фразеологии) // Язык. Дискурс. Текст. Межд. науч. конф., посв. юбилею В. П. Малащенко. Ростов /н-Дону, 2004. Ч. I. С. 115–120.

13. Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Изд. 3-е. В 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 2003.
14. Панченко Н. Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского яз.): Автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
15. Пядышев Д. Цены и жалования в России в начале XX века. В сети: http://www.talers.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=81&Itemid=108&showall=1
16. Романова Г. И. Мотив денег в русской литературе XIX века. М.: Флинта, Наука, 2006.
17. Ружицкий И. В. «Деньги» Достоевского // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. I Новиковские чтения: Материалы Междунар. научн. конференции (Москва, 5–6 апреля 2006 г.). М.: РУДН, 2006.
18. Сергеева А. В. Русские. Стереотипы поведения. Традиции. Ментальность. М.: Флинта, Наука, 2007.